

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Главной пружиной исторического развития Франции XVI—XVII веков было становление новой формы хозяйственной деятельности и выдвигание на арену социальной борьбы класса буржуазии. Развитие производительных сил и связанного с ним общественного разделения труда, разложение натурального хозяйства, имущественное расслоение крестьянства, рост мануфактурного производства знаменовали наступление нового общественного способа производства. Вместе с тем косная цеховая организация, бесчисленные феодальные поборы, архаические правила регламентации и корпоративные ограничения, налоговая политика государства тормозили капиталистическое развитие Франции. Лишенный политических прав в феодально организованном обществе новый класс вынужден был приспосабливаться, идти на компромисс с дворянско-абсолютистским государством. Этот компромисс не мог не отразиться в общественном сознании эпохи, не повлиять на ход идейного развития страны.

То мировоззренчески новое, что нес с собой класс буржуазии, вызывало ожесточенное сопротивление религиозно-феодалных идеологов. Однако успехи социального развития Франции все теснее связывались с коренными преобразованиями в технике, в области практических знаний, применяемых в производстве, строительстве, военном деле. Потребности экономического роста стимулировали научно-технический прогресс и обусловили расцвет нового естествознания. Изменяющийся статус и формы организации научной деятельности отразили растущую социальную потребность в ее результатах. Образуются крупные академические центры, ведется регулярный обмен научной информацией, от имени королевской власти приглашаются крупнейшие ученые для организации и ведения научных исследований, возникает научная периодика, ширится пропаганда новых знаний, естествоиспытатели получают общественное признание привилегированных слоев общества, наука входит «в моду». В культурном сознании эпохи усиливается и становится необратимым процесс утверждения натуралистического образа мышления, секуляризации и рационализации миропонимания.

Перемены в общественном сознании неизбежно сказались на способах упорочения основной идеологической силы Франции этого времени — религии. Стремясь не упустить из-под своего контроля движение научной мысли, духовенство идет на известную модернизацию системы образования, пытается переработать и ассимилировать научные открытия, отказывается от наиболее ветхих и одиозных построений схоластики. Этот вынужденный компромисс сочетался с традиционными приемами защиты ортодоксии путем запретов, осуждения, изгнания, насилия.

В сложном переплетении идейных позиций, столкновении убеждений и мировоззрений во второй половине XVII века все еще преобладают религиозные формы выражения. Но неуклонно возрастает удельный вес нового содержания под этой общепринятой оболочкой: наиболее острые конфликты вспыхивают вокруг проблем, затрагивающих правомерность традиции, законность правила, разумность привычного. И по всей линии обороны, занимаемой адептами религиозно-схоластических уложений и образцов (от принципов мироздания и критериев истины до литературно-художественных вкусов и педагогических норм) происходит в этот период медленное отступление, маскируемое активизацией сил реакции. Новое, рационалистическое мировоззрение, отражающее потребности социального прогресса, опирающееся на естественнонаучный фундамент и ориентированное на преобразование общественного порядка, обретает все более отчетливые формы и все более широкую поддержку в обществе. Разрушение идеологической опоры феодально-дворянского государства было исторической миссией класса буржуазии, поскольку «скроенное по мерке феодализма католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс»¹. Однако основная часть этой титанической работы была осуществлена мыслителями, выразившими не узко классовые интересы буржуазии, а чаяния всех угнетенных, стремление к освобождению от политического, социального и духовного ярма феодализма. Важный вклад в эту борьбу внесли прогрессивные философы Франции второй половины XVII века.

К середине столетия утверждается традиция гуманистического свободомыслия, истоки которой восходят к антисхоластическому скепсису и рационалистической мысли Монтеня и Шаррона. Просветительский пафос деятельности французских либертинов, проникая в среду интеллектуальной элиты господствующих сословий, рождал интерес к нетрадиционному, нешаблонному образу мыслей, побуждал к самостоятельности суждений, подталкивал к критическому восприятию устоявшихся понятий. Либертины расчищали почву для распространения новых идей, приучали видеть в разуме главное средство установления истины, блага, красоты, справедливости. Как правило, не продуцируя оригинальных философских идей, не переходя полностью на позиции ни одной из соперничающих доктрин, они облегчали процесс общественного признания факта прогресса философской мысли, способствовали взаимопроникновению различных систем и образованию эклектических конструкций, которые играли роль промежуточных ступеней в утверждении нового мировоззрения. Линия французского свободомыслия пересекает весь семнадцатый век, выдвинув такие яркие имена, как Ламотт-Левайе, Сирано-де Бержерак, Сент-Эврмон. Ее венчает творчество П. Бейля, нанесшего сокрушительный удар не только по религиозно-схоластической традиции, но и много унаследовавшей от нее спекулятивной метафизике. Передавая эстафету свободомыслия веку Просвещения, веку Вольтера, Бейль мировоззренчески заострил либертинскую мысль, положив предел ее духовной раскованности и беспечности. В новых исторических условиях аристократическое либертинство постепенно утратит свое прогрессивное значение. Однако во второй половине XVII века оно составляло важное условие движения французской философской мысли, активно влияло на характер идейной борьбы.

Значительная роль в становлении нового философского миропонимания принадлежала Гассенди. Находясь у самых истоков освободительной борьбы разума против мертвой традиции средневековой псевдонауки, он создал своеобразный манифест воинствующего антисхоластицизма — «Парадоксальные упражнения против аристотеликов». Это не просто бунт мысли против рабской покорности и «перипатетической тюрьмы», а еще один прецедент посягательств мятежного ума на «хранилище вековых истин». Гассенди отрицает потому, что открыл более глубокие основания достоверности человеческого знания, подтверждаемые и мыслью, и опытом, единые для научных изысканий и практических действий. Мыслитель стремится определить целостный образ миропонимания и жизнедеятельности, отвечающий естественному разуму и разумному естеству человека. Он еще многое ищет в прошлом, и этим близок гуманистам и либертинам. Он не покушается на права веры и даже готов защищать ее от чрезмерно самонадеянного разума, поскольку очередность задач (золотое правило новой методологии) требует еще полного сосредоточения мысли на естественных предметах. Но все его сочинения проникнуты духом интеллектуального поиска и рациональной убедительности. При этом мыслитель не скрывает своих материалистических воззрений, отвергая не только схоластический вздор средневековой философии, но и проявления идеализма в новом философском мышлении. Его полемика с Декартом, резонанс которой явственно ощущается во французской философии второй половины XVII века, определила историческую перспективу эволюции и перестройки ранних форм буржуазного философского сознания. Им по существу впервые были испытаны эвристические возможности и мировоззренческий статус спекулятивной метафизики, ставшей для этого столетия основной формой новой философии. И то, что в середине столетия имело вид ретроспективной и перспективной ориентации в антисхоластическом обновлении философской мысли, к концу века, пройдя сложный путь ректификации и универсализации, предстало, с одной стороны, как конфронтация догматизированных ортодоксальных традиций гассендизма и картезианства, а с другой, — как оппозиция идеалистической и материалистической тенденций во французской философии, внутри которых сгруппировались родственные идеи обоих мыслителей. Притязая на официальный статус, любая «школа» в конце XVII века принимала роль ревностного хранителя христианской веры и традиции. Гассендизм мало преуспел в этом, передав свободолюбивый дух и прогрессивные завоевания своего великого родоначальника реформаторам французской философии Бейлю и Фонтенелю. Первый, восторженно относившийся к идеям Гассенди, глубоко понял истинные устремления французского эпикурейца и сблизил его с творцами нового научного миропонимания. Второй, развивая линию

картезианского материализма, переступил через спекулятивно-идеалистические предрассудки Декарта, против которых выступал Гассенди. Этим была подготовлена почва для разрешения конфликта во французском материализме XVIII века.

Характеризуя философскую мысль Франции второй половины XVII века и выделяя в ней исторически прогрессивные элементы, нельзя пройти мимо янсенизма, сосредоточившего вокруг себя группу выдающихся мыслителей. Идеология янсенизма — типичный продукт барочной культуры, соединивший в себе приметы двух эпох, наиболее яркое выражение мировоззрения и мироощущения переходного периода европейской истории. Новаторская научная мысль сочетается здесь с беспощадной ортодоксальностью вероисповедания, пафос просветительского гуманизма с нравственным ригоризмом и аскетизмом, высокая логическая культура с концептуальным релятивизмом, живой интерес к реальному человеку и условиям его бытия с мировоззренческим пессимизмом. В таком противоречивом контексте философская мысль рождала яркие творения, прочно утверждавшиеся в новой культуре, и одновременно воспроизводила безжизненные продукты религиозно-теологического содержания. Центральная, хотя и стоящая особняком, фигура этой идейной формации, несомненно, Паскаль. Свой след в философском развитии Франции конца XVII века оставили Арно и Николь, создатели знаменитой «Логики Пор-Ройяля». В этом же ряду стоит новаторское произведение Арно и Лансело «Всеобщая грамматика».

Главным каналом воздействия близких янсенизму мыслителей на духовную жизнь своего времени была яростная борьба против наиболее реакционной и могущественной идейной силы Франции — ордена иезуитов. Это было последнее крупное сражение в стране победившей контрреформации, отразившее антагонизм новых социальных сил и феодализма в религиозной форме. Слабый отголосок реформационных процессов янсенизм все более становился историческим анахронизмом, приобретая в религиозном отношении узко сектантский характер. Общественное значение его обнаруживалось в идейной поддержке тенденций социально-культурного прогресса, имевших внеконфессиональный смысл. Вот почему из-под пера искренне верующего янсениста могли появляться такие сочинения, как «Письма к провинциалу» Паскаля — одно из самых ярких антиклерикальных произведений общественной мысли Франции XVII века.

Еще больший, хотя не столь бросающийся в глаза, эффект деятельности янсенистов обнаруживался в пропаганде и распространении прогрессивных философских, научных, педагогических идей своего времени. Чуткие ко всему новому в культуре, они участвуют в разработке ряда проблем науки (Паскаль), глубоко усваивают принципы рационалистической методологии Декарта и дают им классическую форму (Паскаль, Арно, Николь), на базе картезианской гносеологии создают оригинальное учение о языке, осуществляя реформу школьного обучения в духе пансофической философии Коменского. Это участие янсенистов в духовном обновлении имело как самостоятельное значение, так и в качестве скрытого импульса активизации общественного интереса к идеям выдающихся мыслителей эпохи. Бесспорный приоритет здесь принадлежит Декарту, положившему начало философской традиции, которая во второй половине XVII века стала ведущим направлением, затронула все без исключения просвещенные слои общества и стала в конечном итоге доминантой духовной жизни Франции рассматриваемого периода.

Для середины XVII века научное и философское творчество Декарта явилось своеобразным фокусом, где были собраны наиболее значительные проблемы совершающейся интеллектуальной революции. Сумев впитать все прогрессивное, что заключала в себе наука того времени, мыслитель сформулировал и обосновал важнейшие правила рационалистической методологии, заложил базис современного математического естествознания. Однако, дав своими работами мощный импульс развитию научного познания, сообщив ему глубоко материалистическую тенденцию, Декарт стремился к универсализации новых критериев рациональности, оставаясь во многом связанным «теми интеллектуальными средствами, которые предоставляет в его распоряжение современная ему культура»². Это не могло не сказаться на характере его мышления, обнаружившего в метафизическом учении противоречивость и ограниченность идеалистического рационализма.

Метафизика Декарта и его материалистическая физика, аккумулируя

в себе прогрессивные тенденции развития человеческой мысли, выражая мировоззренческие устремления нового общественного класса, обрели самостоятельное значение и собственный путь исторической реализации. И если материалистическая традиция картезианской физики находит яркое воплощение и завершение во французском материализме XVIII века, то метафизические идеи Декарта, пройдя стадию «плоской ортодоксии», глубоко повлияли на развитие философского идеализма Нового времени вплоть до наших дней.

Христианско-спиритуалистская рецепция идейного наследия Декарта осуществлялась различными путями, от неявных заимствований до безудержной апологетики, но всегда посредством коренной перестройки целевых установок картезианского мышления и натуралистического характера его миропонимания. Метафизическая концепция философа, в силу присутствия ей спекулятивно-идеалистической основы и внутренней противоречивости, допускала разные способы трактовки и дальнейшего развития, в том числе и путь, объективно сближавший ее с религиозно ориентированным мировоззрением. Главные усилия по реализации этих потенций картезианской философии были предприняты представителями оформившегося во второй половине XVII века окказионалистского направления. Разрабатывая ряд ключевых проблем, поставленных Декартом в своем метафизическом учении, французский окказионализм воплотился в работах Мальбранша в одну из влиятельнейших, последовательно идеалистических систем, где тесно переплелись философско-гносеологические и методологические проблемы Нового времени и религиозно-теологическая форма их осмысления и решения. Таким образом, к концу столетия ясно обнаружилась радикальная конфронтация вызревших в русле новой философии, в русле картезианской традиции философских партий, представленных материалистическим по духу творчеством Фонтенеля и религиозно-идеалистической философией Мальбранша. Выхолощенная картезианская метафизика, переработанная в окказионалистский спиритуализм, станет одним из основных противников французского материализма эпохи Просвещения, впитавшего все прогрессивное, что несла с собой материалистическая традиция картезианской физики. Это составляет главную особенность развития философской мысли Франции второй половины XVII века.

¹ Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 21.— С. 496.

² Симон Ж. Культурная историчность разума // Разум и культура.— М., 1983.— С. 24.